

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 821.16-31“1980/1990”

DOI 10.52928/2070-1608-2023-66-1-96-103

ОТРАЖЕНИЕ ВОЕННОГО КОНТЕКСТА В ПОВЕСТИ 1980–1990-х гг.
РУССКО-БЕЛОРУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-ВETERАНОВ И СВИДЕТЕЛЕЙ ВОЙНЫ
С НЕМЕЦКИМ НАЦИЗМОМ

канд. филол. наук, доц. Т.Р. БОГОРАДОВА
(Полоцкий государственный университет имени Евфросинии Полоцкой)
e-mail: t.baharadava@psu.by

В статье рассматриваются новые ракурсы осмысления темы Великой Отечественной войны русскими и белорусскими писателями-фронтовиками, представителями «лейтенантской прозы», а также белорусскими писателями-свидетелями военных событий в жанре повести, созданной в позднесоветское и постсоветское время. Авторы объединяет обращение к актуальной проблеме бытия ветеранов в эпоху общественных преобразований 1980 – 1990-х гг. Писатели отразили проявления общественно-политического кризиса и его последствия: процессы переосмысления событий Великой Отечественной войны, былых идеалов и приоритетов, социальные и психологические травмы воина-ветерана в постсоветском обществе.

Ключевые слова: «лейтенантская проза», «окопная правда», военная повесть, автобиографизм, натурализм, хронотоп, «ремаркизм», постсоветский контекст.

Введение. Период 1980–1990-х гг. принес глобальные изменения в историческое бытие русского и белорусского народов в сфере политики, экономики, экологии – всей жизни человека и общества. После распада СССР в 1991 году изменилась форма национальной государственности бывших союзных республик. Немного ранее произошла крупнейшая в мире техногенная катастрофа – взрыв на Чернобыльской атомной станции (1986), от последствий которого наиболее пострадали земля и люди Беларуси, а также часть России и Украины. Вместе с тем, в культуру и литературу пришли новые темы и проблемы, история Великой Отечественной войны не только не ушла в архивы, а, наоборот, приобрела новую актуальность. Появилась необходимость в её расширенном и углубленном художественном отражении, интеллектуальном переосмыслении, обновленном осознании её роли в истории современных постсоветских наций и народов СССР. Эта переоценка была почти всенародной и касалась поколения, с которого начиналась в конце 1950 – начале 1960-х гг. «лейтенантская» и партизанская проза, «окопная правда» и «литература оттепели». Закономерно, что движение к новому происходило в тесных связях и взаимодействии всех советских писателей – ветеранов Великой Отечественной войны. Ответом этому вызову времени стала проза, которая и потребовала новых компетенций от литературоведов и профессиональных критиков.

В 1980 – 1990-е гг. прежде всего авторы советской «лейтенантской прозы», особенно русские, с новым воодушевлением стали отражать наиболее трагические проявления войны: и Великой Отечественной, и конфликтов более позднего времени. Авторитетные, широкоизвестные литературные имена уже имели такие писатели-ветераны из России и Беларуси, как бывшие артиллеристы Г. Бакланов и В. Быков, пехотинец В. Кондратьев, связист В. Астафьев, сапер В. Некрасов, десантник Б. Васильев, политрук зенитной батареи И. Шамякин, пехотинец, потом пленный и партизан К. Воробьев, подпольщик, партизан и военный связист-разведчик И. Науменко, подпольщик и партизан А. Адамович.

Актуальность исследования заключается в определении эстетики писателей-фронтовиков, их мировосприятия, сопоставлении русско-белорусского корпуса военных повестей позднесоветского и постсоветского времени, обращении к исследованию актуальной военной тематики. Целью данной работы стало рассмотрение эволюции художественного мировосприятия русских и белорусских писателей-фронтовиков, а также свидетелей пережитого в отношении военных событий 1941–1945 гг.; задачами является рассмотрение и анализ выявленных проблем в авторских повестях периода 1980 – 1990-х гг. Объектом исследования выступают военные повести классиков русской и белорусской литератур, репрезентованные в разноплановых художественных формах, реалистичных сюжетах с доминантой автобиографического опыта. Предметом исследования в статье стало переосмысленное писателями отражение военного контекста в период перестройки и гласности, а также постсоветское время.

Представление об авторской эстетике русско-белорусской военной повести 1980 – 1990-х гг., переосмысленном мировоззрении писателей-ветеранов и свидетелей событий дают исследования как российских, так и отечественных ученых. В российском литературоведении видное место в рассмотрении данного вопроса занимают труды А. Бочарова [1], И. Дедкова [2; 3], Н. Лейдермана [4], П. Топера [5] и многих других, а в отечественном компаративистский анализ актуализирован в исследованиях 1970 – 2000-х гг. и представлен в работах Е. Леоновой [6]. В. Локун [7], М. Мушинского [8], В. Наумовича [9], М. Тычины [10], И. Шабловской [11], молодых исследователей – О. Безлепкиной [12], Е. Крикливец [13; 14].

Основная часть. Работа базируется на постулатах культурно-исторического, сравнительно-исторического методов, приёмах целостного анализа художественного текста, что дает возможность выделить ведущие тенденции

и формы раскрытия военной темы в наследии писателя-ветерана, являющегося очевидцем военных событий, а также определить творческую позицию автора с учетом изменения историко-культурного контекста.

На стыке веков, во времена смены социальной и культурной парадигмы, почти все из них с новой открытостью, искренностью и смелостью вернулись к военной теме. На этом этапе *автобиографизм* в повестях ветеранов углубился и усилился. Например, факт нахождения в плену из биографии Константина Воробьева (1919–1975) нашел отражение в недописанной автобиографической повести «Это мы, Господи!» (1943, 1986), ведущем в которой стал образ лейтенанта Сергея Кострова. Это произведение было написано почти за месяц, во время нахождения К. Воробьева в антифашистском подполье Литвы, и должно было стать продолжением предыдущей повести под названием «Крик» (1962). Публикация первой части произведения «Это мы, Господи!» произошла после более чем сорокалетнего нахождения в архивах. Автобиографическими (в разной мере) являются все произведения Вячеслава Кондратьева (1920 – 1993). Наиболее полно авторский опыт представлен в повестях о переломной битве под Ржевом, где будущий писатель воевал помощником командира взвода отдельного стрелкового батальона. В 1974 г. была написана повесть «Сашка» (напечатана в 1979 г.), которая отличалась правдивостью и драматизмом. Ее своеобразным продолжением стали произведения В. Кондратьева периода 1980 – 1990-х гг.: повести «Борькины пути-дороги» (1980), «Дорога в Бородухино» (1980), «День победы в Чернове» (1980), «На сто пятом километре» (1981). Ржевская тематика с автобиографическим материалом легла в основу цикла повестей «Отпуск по ранению» (1980), «Встречи на Сретенке» (1981) с общим автобиографическим героем – лейтенантом Володькой Канаевым (его образ присутствует в романе «Красные ворота») (1988), а также повестях «Селижаровский тракт» (1985), «Этот сорок восьмой» (1990), «Искушить кровью» (1991).

Григорий Бакланов (Фридман, 1923–2009), подчеркивая натуральность военного контекста, брал для произведений фамилии реальных людей, с которыми воевал. В повести «Меньший среди братьев» (1981) нарратором выступает телефонист при штабе артиллерийского полка. Произведение автобиографическое, так как автор видел смысл своей жизни в сохранении памяти о пережитом: «Я вернулся живым с войны, где погибли целые поколения. Есть ли смысл в моей жизни, кроме того, чтобы независимо от возможных выгод или невзгод рассказать, как и что это было»¹.

Бывший участник Сталинградской битвы Виктор Некрасов (1911–1987) в послесловии «Сталинград» (1981), созданном по мотивам одноименного романа «Сталинград» (1946), а также знаменитой повести «В окопах Сталинграда» (1946), воссоздал впечатления от хода исторической битвы и первого боевого опыта многих наивных бойцов. В произведении «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» (1983) война показана ретроспективно, на примере истории семьи писателя.

Творчество Бориса Васильева (1924–2013) тоже обращено к фронтовому прошлому. Так, в качестве прототипа Сони Гурвич из повести «А зори здесь тихие» (1969) и Искры Поляковой из сценария «Завтра была война» (1984) Б. Васильев показал собственную жену Зору Поляк. Виктор Астафьев (1924–2001) в повестях о войне сочетал натуралистическое и лирическое начало и на исходе XX века создал во многом автобиографические повести «Так хочется жить» (1995) и «Обертон» (1996). Они имеют связанную образами сюжетную линию (Коляша Хахалин, сортировщицы писем). В автобиографическом произведении «Веселый солдат» (1998) В. Астафьев разрушил наивные иллюзии, характерные для него как для представителя советской молодежи, попавшей на войну. Собственные суждения писателя относительно осмысления войны с позиций современности и признание окончательного невозврата к этой теме после написания повести «Веселый солдат», высказанные в «Беседах с Виктором Астафьевым» (журнал «Знамя», 2009, № 5), реализовались в произведении и стали результатом нового осмысления писателем военных реалий, увиденных глазами зрелого ветерана с огромным жизненным опытом: «Тянет, обнимает земля человека, в муках и для мук рожденного, мимоходом с земли сброшенного, человека убитого и уничтоженного»².

«Лейтенантская проза» имела важную особенность, сохранившуюся с послевоенных времен и до периода 1980 – 1990-х гг., – *границную правдивость отражения*. Одной из новых страниц литературы о войне стал показ максимальной жестокости законов военного времени. На практике формальная верность не только духу, но и букве закона могла привести к трагически-безвыходным ситуациям. В результате возникали неоправданные потери в боях, антиморальное поведение отдельных командиров и солдат как на своих, так и на иноземных территориях, игнорирование законности по отношению к бойцам из штрафных рот и батальонов. Так, в повести В. Астафьева списанный с самого себя и боевых товарищей обобщенный образ солдата-окопника показывает отрицательное отношение начальства, обход заслуженными наградами, противопоставление бойца многочисленным тыловикам-приспособленцам. В повести «Так хочется жить» Коляша Хахалин – начитанный солдат с гуманитарными склонностями – вынужден постоянно терпеть самоуправство безграмотных командиров.

В произведениях писателей-фронтовиков в преимущественном большинстве присутствует *натурализм* описания боевых действий, где кровь и смерть становятся привычными составляющими бытия. Натурализм военной среды, неприкрытая грубость и прагматизма, непривычные человеку, ориентированному на идеалы, у представителей «лейтенантской прозы» проявляются преимущественно в описании боя и экстремальных зарисовках окружающей действительности. Особенно выразительно в этом плане отражение лагерного быта и издевательств фашистов

¹ Бакланов, Г. Меньший среди братьев / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-prose-military/137741-3-grigoriy-baklanov-menshiy-sredi-bratev.html#book>.

² Астафьев, В. Веселый солдат / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/literature-war/66061-viktor-astafev-veselyy-soldat.html>

над людьми в повести К. Воробьева «Это мы, Господи!»: «Брызгала кровь, иматками летела срубленная неправильным косым ударом лопаты кожа. Лагерь огласился рыком осатаневших убийц, стонами убиваемых, тяжелым топотом ног в страхе метавшихся людей»³. В. Кондратьев в произведениях «Селижаровский тракт» и «Искупить кровью» подчеркивал, что многочисленные человеческие жертвы часто являлись результатом неадекватности командиров при разработке боевой стратегии и тактики; имело место отсутствие боевых навыков, элементарного образования и неизбежная в таких ситуациях бессмысленность приказов: «Мало думаем мы на войне... Многое наугад было, на авось. Давай, давай! А на этом “давай” далеко не уедешь»⁴ («Селижаровский тракт»); «Деревню сейчас взять нельзя. Люди вконец измучены. Вы посылаете их на верную и бессмысленную смерть... Я не могу выполнить этот приказ... Я считаю его преступным»⁵ («Искупить кровью»).

Если в предыдущие времена подобные коллизии трактовались большинством писателей как оправданные сопоставлением «окопной правды» и так называемой «правды ставки», абсолютизировалась стратегия под лозунгом «мы за ценой не постоим», то в 1980 – 1990-е гг. ветераны стали более критичными в оценках огромного количества человеческих потерь во время войны. Определяющим у большинства писателей-ветеранов стало изображение положения на фронтах, характеризующегося фатальной неизбежностью человеческих жертв: неподготовленностью молодых бойцов, отсутствием порядка в армии, необходимого оружия, что очень детально отражено в повестях В. Некрасова «Сталинград», Г. Бакланова «Меньший среди братьев», В. Кондратьева «Сашка», «Селижаровский тракт», «Искупить кровью», В. Астафьева «Обертон», «Веселый солдат», например: «И такое же унижительное отчаяние бессильности, какое бывало на передовой, когда немец накрывал их снарядами и минами, а им нечем было ответить, охватило Сашку»⁶ («Сашка»).

Очевидно, что одной из важных черт «лейтенантской прозы» является внимание к подробностям хронотопа (времени и обстоятельств проведения боевой операции, географических и других подробностей на месте действия), психологического состояния персонажа на фронте, детального описания боя. Главными локациями для развертывания действия в повести о войне выступали передовая, госпиталь, концентрационный лагерь, город с его ландшафтом или деревенская изба. Как отмечалось, В. Астафьев, отражая восприятие событий солдатом-окопником, сочетал поляризованный натуралистически-лирический рассказ о ситуациях на фронте. У Г. Бакланова прием контраста служит для разграничения описания боев и природных пейзажей. Слои военного прошлого воссозданы через ретроспекцию и сопоставление с мирными послевоенными буднями в повестях В. Некрасова «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы», Б. Васильева «Завтра была война» и в произведениях В. Кондратьева «Отпуск по ранению», «Встречи на Сретенке», «День победы в Чернове», «Этот сорок восьмой».

Базовой составляющей в жанровой структуре военной повести ветеранов стал *мотив дороги*. Первичное номинативное значение имеет фронтовая дорога, как в повестях В. Кондратьева «Борькины пути-дороги», «Дорога в Бородухино», «Селижаровский тракт». В текстах Г. Бакланова «Меньший среди братьев» и В. Астафьева «Так хочется жить» дорога ведет в небытие или дает возможность продолжения земного существования человека: «Фронтовые дороги ведут в бесконечность и никогда не повторяются»⁷ («Так хочется жить»). Вторая и третья часть произведения «Так хочется жить» воссоздают путь возврата к мирному существованию и картину обустройства бывших солдат-фронтовиков в условиях послевоенной разрухи. Переосмыслением минувшей войны, воспоминаниями о пережитом и осознанием сущности пройденного земного пути характеризуются дороги памяти бывших солдат. В. Кондратьев в повести «День победы в Чернове» и В. Астафьев в произведении «Веселый солдат» проводят своих героев дорогами прошлого, возвращая их к местам бывших боев: «Можно будет, конечно, пройти туда тем старым и памятным большаком, что идет от Селижарова на Ржев, по которому мы топали метельными февральскими ночами сорок второго года, или той, другой дорогой обратно, идущей от села Бахмутова, где находилась санрота, на станции Шербово. Дорогой дневной, солнечной, но тоже незабываемой, пройденной уже в мае того же года. И тот, и другой путь необычны. Путь на войну – и путь к жизни»⁸ («День победы в Чернове»).

Одним из ключевых ракурсов в обновлении взглядов на пережитое стал углубленный анализ прозаиками-ветеранами психологического состояния человека на войне – в различных вариациях. У В. Астафьева Коляша Халин из повести «Так хочется жить» чувствует себя в военной среде отверженным и одиноким, даже хочет покончить жизнь самоубийством: «Большой боли он пока еще не ощущал, но вот чувство сиротливости, одиночества и безмерной тоски по кому-то и по чему-то распространялось по всему телу, по всему нутру и даже, вроде бы, под кожей. В крови, в мышцах поселялась тоскливая пустота. Как и всегда после потрясения, вспышки в детстве

³ Воробьев, К. Это мы, Господи! / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/197560-konstantin-vorobev-eto-my-gospodi.html>.

⁴ Кондратьев, В. Селижаровский тракт / Электронная библиотека ModernLib.Net. 2018. URL: <http://modernlib.net/books/kondratev-vyacheslav/selizharovskiy-tract/read>.

⁵ Кондратьев, В. Искупить кровью / Литмир. 2011. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=59125&p=1>.

⁶ Кондратьев, В. Сашка / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/279120-vyacheslav-kondratev-sashka.html>.

⁷ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

⁸ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

еще приобретенного психоза, он болел всем телом, слабел духом, страдал чувством покинутости. Как всегда, ему хотелось куда-то уплыть, уехать, убежать. Да куда уедешь, уйдешь от этой казармы, из этой жизни? Он уже давно решил, что когда-нибудь в такие вот минуты покончит с собой»⁹.

Повести Г. Бакланова несут печать мнимого покоя персонажа, живущего на войне в постоянном предчувствии смерти и в будущем стремящегося начать жизнь заново. Нарратор из произведения Б. Васильева «Завтра была война», В. Некрасова «Сталинград» и «Саперлипопет, или Если бы да кабы, да во рту росли грибы» живет воспоминаниями о прошлом, ретроспективно воссоздавая военную реальность в деталях, контрастирующих с послевоенной реальностью. В. Кондратьев описывал повседневную работу личности над собой и своими слабостями во время военного периода, показывая войну как кровавую бойню.

Не боясь показаться непатриотичными, большинство писателей-ветеранов определяло в описании состояния рядового солдата на войне постоянный фактор натурального страха или психологической угнетенности. Например, военнопленный Сергей Костров из произведения К. Воробьева «Это мы, Господи!» в обстоятельствах плена приобрел специфическое чувство безразличия к внешнему миру: «Он думал о смерти и тогда же понял, что, по сути, не боится ее, только... только умереть хотелось красиво»¹⁰. Совсем другого плана чувство солдата из произведения В. Кондратьева «Искупить кровью», не видящего жизненных перспектив и потому не ощущающего страха перед лицом смерти: «Нет, браток... Чую, пришел мой час... Я смерти не боюсь... Все равно жизни не было, и будет ли она, один Бог знает»¹¹. Вместе с тем антиномия «жизнь – смерть» на войне в большинстве ситуаций сохраняет свое первичное значение. Писатели-фронтовики подчеркивали жажду молодых солдат к жизни, потому что в условиях верной гибели те, более командиров, знали ей цену. Кроме того, бывшие лейтенанты-фронтовики в период 1980 – 1990-х гг. открыто и подробно описывали позволенные цензурными рамками факты дарования жизни немецким солдатам со стороны наших бойцов.

Важным художественным элементом и характеристикой точного отражения контекста в военной повести выступает *безэвфемически поданная речь* многих персонажей. Период 1980 – 1990-х гг. стал границей творческого раскрепощения писателей-фронтовиков, дал возможность в полный голос эмоционально-обостренно говорить о дискуссионных и ранее неотраженных вопросах военного прошлого. Ситуация на фронте, в военном госпитале, концентрационном лагере всегда отличалась пограничностью, часто требовала от человека максимальных физических и моральных усилий. В подобных условиях личность проявлялась через поведение и, что естественно, речь. В период тотального ослабления цензуры язык ряда военных повестей В. Астафьева и В. Кондратьева отличался резкостью, упрощенностью, употреблением вульгаризмов, ненормативной лексики, что исключало лакировку фактов и по-новому передавало состояние личности на войне.

Противоречивая тема *измены* также сопутствовала военной реальности, и в различные исторические времена к ней в советской литературе было однозначно отрицательное отношение. Психологическая подоплека этого явления чаще всего, в силу объективных причин, оставалась вне художественного отражения, или находила выражение через лаконичное осуждение, как в повести В. Кондратьева «Борькины пути-дороги»: «Украинцы будут формироваться в добровольческие отряды. Будут иметь немецкий паек и немецкую одежду. Нашлись такие. Вышел и стоящий около Борьки боец, у которого он никакого украинского говора не замечал, и с виду не похож. Этот, видно, польстился, курва, на немецкий паек»¹².

Противопоставление окопных солдат и тыловиков, а также психологическое неприятие фронтовиками гражданских личностей, отменно устроенных в тыловой жизни, нашли логическое продолжение в содержании военной повести периода 1980 – 1990-х гг. Однозначно отрицательное отношение бойцов-окопников к невоевавшим отражено в произведении В. Кондратьева «Отпуск по ранению». Схожее чувство неприятия и отвращения к некоторым представителям тыла, подчеркнутое собственным отношением автора, просматривается в повести В. Астафьева «Так хочется жить»: «В конвойном полку толклось множество рядовых и командиров, успешно отсидевшихся в тылу, пресмыкающихся, исподличавшихся. Пополнение из раненых фронтовиков не могло не вступить в конфликт с такой шайкой. И вступило»¹³.

На войне проявляются самые разные человеческие качества, так как инстинктивная цель индивида – спасти себя в пограничной ситуации. В. Астафьев намеренно в резкой форме показал необходимость и для солдата умения приспосабливаться в условиях кровавой войны: «Наученный терпеть, страдать, пресмыкаться, выживать и даже родине, их отвергшей и растоптавшей, служить, мужик российский знал, где, как ловчить, вывертываться»¹⁴. Такая деромантизация важных реалий войны в повестях писателей-фронтовиков только подчеркивала жажду солдата победить врага. Возникало понимание, что будущее невозможно без жертвенного сражения с фашизмом на грани человеческих сил; и это особенно очевидно в повестях Г. Бакланова, Б. Васильева, В. Кондратьева.

⁹ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

¹⁰ Воробьев, К. Это мы, Господи! / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-classic/197560-konstantin-vorobev-eto-my-gospodi.html>.

¹¹ Кондратьев, В. Искупить кровью / Литмир. 2011. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=59125&p=1>.

¹² Кондратьев, В. Борькины пути-дороги / Litlife.club. 2016. URL: <https://litlife.club/books/318714/sections/8>.

¹³ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

¹⁴ Астафьев, В. Так хочется жить / Электронная библиотека Libking.ru. 2017. URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-su-classics/132682-7-viktor-astafev-tak-hochetsya-zhit.html#book>.

Для бывших солдат война стала мерилем жизни, на фоне которого историко-культурный контекст выступал источником понимания и объяснения человеческого поведения. Повести писателей-фронтовиков отражали исторические слои *нескольких эпох*: сталинщины, Великой Отечественной войны, оккупации, послевоенного времени восстановления и современности, которая для большинства ветеранов пришлась на 1980 – 1990-е гг. – последний период их жизни. Перестройка и 1990-е гг. внесли существенные идеологические коррективы в восприятие и трактовку минувшей войны. Для большинства бывших ветеранов и свидетелей войны новая парадигма жизни стала принципиально неприемлемой или приемлемой со сложностями, так как вместе с политико-идеологическими изменениями она принесла и экономический кризис, резко обесценивший материальные блага и саму материальную базу бывшей советской жизни, в том числе, и жизни ветерана Великой Отечественной войны. На этом фоне принесенные в 1940-е годы величайшие потери не могли не переосмысливаться. Важно было еще раз, уже без цензуры бывшего государства, довести более полную правду о цене мира, завоеванного советским солдатом.

Современные повести представителей «лейтенантской прозы» пронизаны вариативным *мотивом памяти* о Великой Отечественной войне. Индивидуальная человеческая память стремилась ностальгично воссоздать события, припомнить места бывших боев. Воспоминаниями о военной судьбе одноклассников и послевоенной реальности наполнена повесть Б. Васильева «Завтра была война». В произведении «День победы в Чернове» В. Кондратьев вместе с нарратором возвращается в минувшую войну, проходит дорогами памяти, переживая военные события заново и переосмысливая минувшее: *«Невидимая дверь в вечность была распахнута перед тобой, и только один шаг отделял тебя от неё... И ты делал этот шаг»*¹⁵. Вымеряя жизнь военными мерками, писатели-фронтовики (особенно В. Кондратьев, Г. Бакланов и В. Астафьев) осмысливали мотив сохранения исторической памяти как собственную миссию донесения через литературу следующим поколениям правды о целой эпохе. Рассказанные впервые факты свидетельствовали о новой оценке писателями-ветеранами бывших руководителей, командиров, разных вариантов военного положения, новом рассмотрении ситуаций конфронтации человека и власти. Кроме того, писатели-фронтовики поднимали проблему тяжелой адаптации бывших солдат в обстоятельствах современности, разрушения социума в период 1990-х годов с их потерей канонических идеалов и бывших отношений с государством («Печальный детектив» (1987) В. Астафьева, «Встречи на Сретенке» В. Кондратьева, «Меньший среди братьев» и «Свой человек» Г. Бакланова).

Новое несла и искренняя оценка писателями результатов собственной жизни на фоне нивелировки бывших моральных императивов, невостребованности и нереализованности ветеранов в финальный период их жизни («День победы в Чернове» В. Кондратьева, «Веселый солдат» В. Астафьева): *«И ещё я яснее понимаю – не так я проживаю свою жизнь. Размениваюсь на мелочи, на незначительные работы для денег, и в свете московской жизни не хватает меня на настоящее, которое смог бы, наверное, совершить, если бы все помыслы отдал ему»*¹⁶ («День победы в Чернове»).

Отмеченная динамика в позднесоветской и послесоветской военной прозе выявилась и в белорусской литературе, где безусловным лидером в развитии военной темы на международном уровне признан В. Быков.

Эволюция Василя Быкова (1924–2003) в отражении военной реальности прослеживается на протяжении всего его творчества. «Лейтенантская проза» с её изображением человека на войне прошла в художественном наследии автора трансформацию, воплотилась в элементах эстетики «ремаркизма», продолжила свое существование в произведениях «партизанского цикла», где трагической стала сама проблема выбора бытия на оккупированной территории. Белорусский исследователь П. Дюбайло отмечал: «Повести В. Быкова ставят очень важную для современной литературы проблему выбора и ответственности человека за свою судьбу. За свои поступки» [15, с. 188] (здесь и далее перевод с белорусского языка наш – Т.Б.). Писатель выработал концепцию человека на войне, эволюционную по сути и вектору развития.

В. Быков в 1982 году завершил работу над этапным произведением – повестью «Знак беды» («Знак бяды»). Белорусский критик Д. Бугаёв отмечал: «В “Знаке беды” народные беды, связанные с “великим переломом”, показываются уже довольно широко» [16, с. 60]. Весьма резонансным событием литературной жизни в Советском Союзе стало присуждение В. Быкову за эту повесть в 1986 г. Ленинской премии. Высшая премия страны за смело-правдивое произведение означала официальное признание права литературы по-новому рассказывать о прошлом, в том числе – право освещать самые трагические страницы Великой Отечественной войны. Создание авторских повестей 1980 – 1990-х гг. «Карьер» («Кар’ер», 1985), «Блиндаж», («Бліндаж», писалась с 1987 г.), «В тумане» («У тумане», 1988), «Стужа» («Сцюжа», 1969, 1991), «Полюби меня, солдатик» («Пакахай мяне, салдацік», 1996), «Болото» («Балота», 2001) совпало с эпохой углубленного переосмысления исторических событий. По словам М. Тычины, «новый Быков, чутко воспринимающий и правдиво оценивая изменения в мировом “параллелограмме сил”, заметно переосмысливает многое из того, о чем писал ранее» [17, с. 365].

В произведениях В. Быкова 1980 – 1990-х гг. в фокусе художественного зрения, как и ранее, остается человек из массы, жертва войны. Тем не менее в повестях акцентируется новый ракурс: через человеческие судьбы писатель углубляется прежде всего в собственно-белорусскую историческую правду о Великой Отечественной войне. Жанровая форма быковской повести теряет определенную притчевость, параболичность – эти качества прозы писателя переходят в его рассказы – «басни жизни» («байкі жыцця»). «Новый» В. Быков не столько полемично утверждает свою правду, гуманистические идеалы, сколько констатирует господство трагического начала в человеческой судьбе, а также бытии белоруса в XX веке.

¹⁵ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

¹⁶ Кондратьев, В. День победы в Чернове / Электронная библиотека Libking.ru. 2011. URL: <https://libking.ru/books/prose/prose-military/414891-14-vyacheslav-kondratev-den-pobedy-chemove.html#book>.

В белорусском литературном процессе после 1985 г. заметным сегментом стала автобиографическая проза, которая не могла быть напечатана ранее. Имеются в виду, прежде всего, мемуары (в том числе и о годах войны) белорусских авторов, незаконно репрессированных в первой трети XX века и реабилитированных в середине 1950-х и 1960-е гг. Среди них – автобиографические повести Сергея Граховского (1913–2002) «Такие синие снега» («Такія сінія снягі», 1988), «Зона молчания» («Зона маўчання», 1990), «С волчьим билетом» («З воўчым білетам», 1991), Бориса Микулича (1912–1954) «Повесть для себя» («Аповесць для сябе», 1988, полное книжное издание 1993 г.), Павла Прудникова (1911–2000) «Ежовые рукавицы» («Язовыя рукавіцы», 1989), «Ад» («Пекла», 1991), Ядвиги Беганской (1908–1992) «Моя Голгофа» («Мая Галгофа», 1990), Ларисы Генюш (1910–1983) «Исповедь» («Споведзь», 1991). Напоминания о войне и условиях жизни на оккупированных белорусских землях появляются на страницах этих произведений фрагментарно как фон и контекст человеческого бытия.

К корпусу белорусских текстов о войне присоединились также и повести, созданные жителями Западной Беларуси (довоенной Польши) и Белосточчины (вошла в состав Польши после войны, в 1945 г.). В прозе писателей с этих территорий более чувствуется контекст Второй мировой, а не только Великой Отечественной войны. Например, на исходе XX века в Минске, в издательстве «Художественная литература» («Мастацкая літаратура») и государственных периодических изданиях печатались повести тех ветеранов войны с Гитлером, которые из Западной Беларуси разными путями попали не в советскую армию, а в армии союзников по антигитлеровской коалиции. Так, за пределами СССР воевали белорусы-западники с ГУЛАГА, набранные в польскую армию генерала В. Андерса, сформированную из пленных по приказу правительства СССР в 1941 г. Среди них был и поручик Пётр Сыч (1912–1964), автор документально-художественной повести «Смерть и соловьи. Воспоминания офицера-белоруса из-под Монте-Кассино» («Смерць і салаўі. Успаміны афіцэра-беларуса з-пад Монтэ-Касіна», 1964). Битва под Монте-Кассино связана с освобождением «вечного города», столицы Италии – Рима. П. Сыч – ветеран Второй мировой, был четыре раза ранен, отмечен британскими и польскими наградами, в том числе Крестом Монте-Кассино (известно, что во 2-м польском корпусе генерала В. Андерса было около 30% белорусов). Из участников «Беловежи» («Белавежы») – современной литературной организации Белосточчины – тоже выделяются белорусы, оставившие в различных жанрах воспоминания о войне с гитлеровским нацизмом. Назовем, например, автобиографическую повесть Алёны Анишевской (1927 – 2013) «Поколение войны» («Пакаленне вайны», 2003).

Расширение информационного пространства и художественно-эстетических горизонтов, безусловно, отразилось на творческом поиске в жанре белорусской повести о Великой Отечественной войне. В 1980 – 2010-е гг. авторы военной прозы концептуально еще нередко оставались на позициях социалистического реализма с его презумпцией коммунистической партийности. Тем не менее, это не помешало ветеранам точно и глубоко раскрыть важнейшие черты минувшей эпохи. Свое важное слово о войне сказали в новые времена известные белорусские писатели. Новые повести создали И. Шамякин, И. Науменко, А. Адамович. Например, Янка Брыль (1917–2006) в автобиографической повести «Мундштук и папка» («Муштук і папка», 1990), имеющей подзаголовок «маленькая сага», рассказал о гибели своего старшего брата Владимира, которому инкриминировали шпионаж в пользу Германии. Произведение является синтезом цитирования документов, философских рассуждений, монологов. Раскрывая историю своей семьи, писатель вспомнил и войну с гитлеровцами. Гуманистическая мысль Я. Брыля, который вместе с А. Адамовичем и В. Колесником был автором книги «Я из огненной деревни...» («Я з вогненнай вёскі...», первое издание 1974 г.), а во время войны попал в белорусский партизанский отряд из гитлеровского плена, направлена против насилия над человеком – жертвой фашизма.

Активной на исходе XX века была и писательская деятельность Алеся Адамовича (1926/27–1994). Он много рассуждал о важности фактов, которым читатель верит более, чем фантазии художника. Успех задуманных А. Адамовичем коллективных документально-художественных книг «Я из огненной деревни...» и «Блокадная книга» («Блокадная книга», 1977, 1981 – в соавторстве с Д. Граниным) привел писателя и ученого к анализу жанра повести на документальной основе. Новый нарратив с огромным потенциалом роста сначала был назван писателем следующим образом: «Репортаж с места исторического события» [5, с. 22]. По словам профессора Л. Синьковой, писатель «обдумывал термины, множившиеся вслед за ним разными исследователями: “эпопея-дневник”, “магнитофонная литература”, “соборный роман”, “эпично-хоровая проза”, “книга-оратория”, “роман-свидетельство”, “жанр голосов”, “non-fiction”, “verbatim”» [18, с. 68]. Продолжением предыдущего опыта стала интерпретация новой идеи А. Адамовича о необходимости «сверхлитературы»: максимально антивоенной, правдивой и по-граждански мужественной, обеспокоенной глобальными угрозами всему человечеству. Эта идея развилась из опыта работы А. Адамовича над названными выше коллективными книгами. Его проект продолжила Светлана Алексиевич (род. в 1948 г.). Основная задача писательницы, по словам исследователей, заключалась в том, чтобы «адекватно перенести на бумагу не менее чем магму человеческих мучений и с новой выразительностью воплотить глобальную угрозу роду homo sapiens» [19, с. 40]. Все написанное С. Алексиевич (лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 г., считает своими учителями А. Адамовича и В. Быкова) воспринималось в позднесоветские и последующие времена неоднозначно. Литературовед В. Ковтун писала о произведениях С. Алексиевич, имея в виду постепенные изменения в ориентациях общества: «С появлением книг “У войны не женское лицо” и “Цинковые мальчики” в нашей жизни начала побеждать антивоенная демократия» [20, с. 234]. В одном из интервью 1995 г. С. Алексиевич сказала, что хочет написать семь книг – своеобразную энциклопедию человеческой жизни. Л. Синькова отметила: «С. Алексиевич расспрашивает, слушает, фиксирует, а потом воссоздает чужую речь из аутентичных монологических течений. Таким образом, рождается не буквальная стенограмма, а своеобразный документально-художественный магистрал» [18, с. 68]. Документальную основу, касаемую военных событий, имеют три произведения С. Алексиевич:

«У войны не женское лицо» («У вайны не жаночае аблічча», 1984), «Последние свидетели» («Апошнія сведкі», 1985), «Цинковые мальчики» («Цынкавыя хлопчыкі» 1989, 1991). Две первые повести посвящены событиям Великой Отечественной войны, последняя отражает образ войны СССР в Афганистане (1979 – 1989), фатальной не только для российских ребят, но и для многих юношей-белорусов.

Детские воспоминания Николая Дубовского (1933–2013), ставшего в начале Второй мировой войны учащимся школы, переосмыслен и отражен в повести «У каждого – своя война» («У кожнага – свая вайна», 2005). Название произведения подчеркивает значимость каждой индивидуальной судьбы. Н. Дубовский нередко романтизировал образы-персонажи, в целом, однако, следуя традициям социально-психологической отечественной прозы. Писатель отразил реальное положение на фронтах: быт армейцев, условия существования, недостаток провизии, отсутствие оружия. В контексте современной прозы о войне авторская повесть «Медовочка» («Мядовачка», 2006) продолжает традицию передачи психологии молодых людей, романтизации их влюбленности.

Автобиографический контекст отражен Владимиром Липским (род. в 1940 г.) в повести «Отец. Письма сына» («Бацька. Письмы сына», 2004). Создавая образ собственного отца, бывшего в годы Первой мировой войны солдатом-пехотинцем, а во время Великой Отечественной войны – партизаном-связным, В. Липский утверждает необходимость памяти, ощущения нравственных обязательств перед представителями своего рода и целой нации. Традиционный ракурс подачи военных событий в жанре документальной повести представлен в произведениях Юлиана Высоцкого (род. в 1939 г.) «Товарищ Ганс» («Таварыш Ганс», 2009) и «Двое из адского бомбардировщика» («Двое з пякельнага бамбардзіроўшчыка», 2012). Первая повесть рассказывает о немецком антифашисте, участнике партизанского движения в Беларуси. В основу второго произведения положено реальное событие 29 июня 1941 г., когда под Минском был сбит советский бомбардировщик ДТБ-3Ф. Местные жители помогли двум летчикам спастись. Встреча с бывшими военными состоялась через 34 года. Около 65-й школы г. Минска поставлен памятник погибшим членам экипажа.

Заключение. Таким образом, постсоветское общество в 1980 – 2000-е гг. оказалось перед актуальной задачей: необходимостью фактографически и концептуально обновить научную картину того духовного опыта россиян и белорусов, который отражен, в том числе, и на страницах повести о Великой Отечественной войне.

Историко-культурный контекст, предопределенный советским людям, истолковывался авторитетными представителями российско-белорусской военной прозы конца XX века с автобиографических позиций. При создании образов всех персонажей рассматривалось место, роль и поведение личности в социуме. Писатели-ветераны и свидетели событий минувшей войны брали во внимание несколько исторических слоев: культ личности Сталина, Великую Отечественную войну, немецкий оккупационный режим, послевоенную реальность и эпоху 1980 – 1990-х гг. Эта современность стала для большинства бывших фронтовиков последним этапом их жизненного пути. Эпохальные изменения во всех сферах общества определенным образом повлияли на трактовку Великой Отечественной войны и расширение информации о ней, принесли экономический кризис и идеологические изменения, что коренным образом отразилось на бытии, в том числе, и бывших участников войны в постсоветском социуме. Писатели активно выступали против былого утаивания правды об огромнейших народных жертвах в советские времена, а также против саркастического принижения идеалов, существовавших у нравственных членов общества параллельно с декларативными и лицемерными лозунгами минувшей эпохи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочаров А. Чем жива литература: Современность и литературный процесс. – М.: Советский писатель, 1986. – 400 с.
2. Дедков И.А. Василь Быков. Очерк творчества. – М.: Советский писатель, 1980. – 288 с.
3. Дедков И.А. Василь Быков: повесть о человеке, который выстоял. – М.: Советский писатель, 1990. – 308 с.
4. Лейдерман Н., Липовецкий М. Современная русская литература: 1950–1990-е гг.: в 2 т. – М.: Академия, 2003. – Т. 1: 1953–1968. – 413 с.
5. Топер П. Ради жизни на земле: Литература и война. Традиции. Решения. Герои. – М.: Советский писатель, 1975. – 567 с.
6. Лявонова Е.А. Беларуская мастацтва слова XX стагоддзя ў еўрапейскім літаратурным кантэксце: тыпалогія, рэцэпцыя, пераклад. – Мінск: БДУ, 2014. – 319 с.
7. Локун В.І. Васіль Быкаў у кантэксце сусветнай літаратуры. – Мінск: Тэхнапрынт, 2005. – 228 с.
8. Мушыньскі М.І. І нічога, апроч праўды: Якой быць «Гісторыі беларускай літаратуры». – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – 127 с.
9. Навумовіч У.А. Канцэптуальнасць падыходаў у асвятленні падзей Другой сусветнай вайны ў беларускай прозе XX – пачатку XXI ст. // Русская и белорусская литература на рубеже XX–XXI вв. К 70-летию кафедры русской литературы: сб. науч. ст. В 2 ч. Ч. 1. / РИВШ ; рэдкал.: С.Я. Ганчарова-Грабоўская (старш.) і інш. – Мінск, 2010. – С. 179–183.
10. Тычына М. Народ і вайна. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.
11. Шаблюўская І. Паэтыка славянскай вайнавай прозы. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 24 с.
12. Бязлепкіна А.П. Паміж гераізмам і верай: эвалюцыя вайнавай прозы // Фокус. – 2010. – № 1. – С. 14–16.
13. Крикливец Е.В. Перед нравственным выбором: типология героев в русской и белорусской военной повести второй половины XX века // Белая вежа. – 2017. – № 7. – С. 56–60.
14. Крикливец Е.В. Русская и белорусская военная повесть второй половины XX века: жанровая модификация и особенности репрезентации героя // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / ВГУ им. П.М. Машерова; редкол.: В.Ю. Боровко (отв.) и др. – Витебск, 2017. – С. 212–215.
15. Дзюбайла П.К. Панарама сучаснай беларускай прозы: Літ.-крытыч. артыкулы. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1986. – 192 с.
16. Бугаёў Д.Я. Справядальнае слова. Літаратура, крытыка, успамін. – Мінск: Мастацкая літаратура, 2001. – 325 с.
17. Тычына М. Народ і вайна. – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 433 с.

18. Сінькова Л.Д. «Звышлітаратура» як ідэя Алеся Адамовіча і практыка Святланы Алексіевіч // Аксиологический диапазон художественной литературы: сб. науч. ст. / ВГУ им. П.М. Машерова; редкол.: В.Ю. Боровко (отв.) и др. – Витебск, 2017. – С. 67–69.
19. Сінькова Л.Д. Беларуская «звышлітаратура»: літаратуразнаўчэня і літ.-крыт. артыкулы. – Мінск: Кнігазбор, 2019. – 224 с.
20. Коўтун В. Феномен вернасці // Маладосць. – 1998. – № 5. – С. 232–234.

Поступила 15.11.2022

**REFLECTION OF THE MILITARY CONTEXT IN THE STORY OF THE 1980 – 1990s
BY RUSSIAN-BELARUSIAN WRITERS-VETERANS AND WITNESSES OF THE WAR
WITH GERMAN NAZISM**

T. BAGARADAVA
(Euphrosyne Polotskaya State University of Polotsk)

The article considers new perspectives of understanding the theme of the Great Patriotic war by Russian and Belarusian writers-front-line soldiers, representatives of «lieutenant's prose», as well as Belarusian writers-witnesses of military events in the genre of the story created in the late soviet and post-soviet times. The authors are united by an appeal to the topical issues of the problem of veterans in the era of social transformations of the 1980 – 1990s. The writers reflected the manifestations of the socio-political crisis and its consequences: the processes of rethinking the events of the Great Patriotic war, past ideals and priorities, social and psychological traumas of a veteran soldier in post-soviet society.

Keywords: «lieutenant's prose», «trench truth», military novel, autobiography, naturalism, chronotope, «remarkism», post-soviet context.